

Рожденные в Одессе

Давид Боровский, Олег Шейнцис

В мае нынешнего года ушел из жизни выдающийся театральный художник XX века Давид Боровский. Он умер далеко от России, в высокогорном колумбийском городе Богота, где проходила его персональная выставка. Не выдержало сердце. Боровский из тех немногих, кого еще при жизни называли великими. При этом трудно представить себе человека в искусстве, который был бы столь деликатен, столь несуетлив и не падок на лесть, столь далек от шума похвал. Сценография Давида Боровского – это целый мир с невероятной точностью смыслов, с поразительно простой на первый взгляд и вместе с тем необычайно емкой образностью. Десятилетия имя Боровского было неразрывно связано с именем Юрия Любимова и Театром на Таганке эпохи его расцвета. Роль сценографа в таганковских спектаклях невозможно преувеличить, настолько она велика и самодостаточна. Знаменитый занавес в "Гамлете",

отрезавший пространства, скрывавший помыслы и сметавший жизни, вошел в учебники. Подвижные доски, из которых возникал зыбкий мир войны и вязкой топи в спектакле "А зори здесь тихие..." произвел своего рода революцию в представлениях о возможности простых театральных форм и фактур. Он никогда не выпячивал своей роли, не давил, даже не преподавал, ибо по натуре не брал на себя права кому-то кому-то толковать, навязывать кому-то свое видение мира. И все же немформальные ученики у него были. Одним из них считал себя другой волшебник сцены, Олег Шейнцис. Он был моложе Боровского почти на два десятка лет, но ушел почти вслед, в июле этого же года, не дожив до своего 60-летия. Умер внезапно, в родном городе Одессе (и Боровский был оттуда родом). И опять не выдержало сердце – слишком близко и равнодушно он все к нему принимал. Учеников, которых он

множество воспитал в Школе-студии МХАТа, дела родного Театра Ленком, где он нес ответственность за все начиная с вешалки и кончая пространством сцены. Дерзкий, с необузданным воображением и вместе с тем строгим, архитектурным чувством пропорций, Олег Шейнцис тоже зачастую определял и образ, и смысл постановок. Режиссер Марк Захаров сознательно именовал его в афишах режиссером-сценографом. Пленительная сила "Юноны" и "Авось", колдовское озеро "Чайки", вздыбленный мир "Шута Балакирева", нездешние свет и белизна "Плача палача" – все это есть осязаемое волшебство ленкомовского сценографа, без которого театр осиротел. Давид Боровский и Олег Шейнцис – колоссы отечественного декорационного искусства, с уходом которых наш театр потерял не просто талантливых художников. Все меньше остается вершин, на которые мы взираем, задрвав головы.